

Л.В. ГАЙВОРОНСКАЯ
(Воронеж)

**‘ПОЭТ’ КАК
ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.
(некоторые аспекты)***

Поэт слагает универсальный в русской словесности характерологический текст с устойчивыми тематическими и мотивными комплексами. Основные его аспекты: социальная / культурная роль поэта, ситуация поэтического вдохновения, сфера поэтических смыслов (своего рода саморефлексия темы «поэта и поэзии» в культуре). В разные эпохи русской литературы акцентируются различные начала поэта, активизируются те или иные тематические поля этого литературного феномена.

Ключевые слова: *поэт, поэтическое вдохновение, поэтический смысл, эпоха, текст.*

Несомненно, в силу особой востребованности в русской культуре *поэт* как герой, образ, тип слагает *универсальный* в русской словесности характерологический текст со всеми устойчивыми тематическими и мотивными комплексами (например, *маленький человек, странный* или *лишний* и др. [3; 6]). В свете исторических судеб России и личных судеб писателей в разные периоды акцентируются те или иные начала *поэта*: пророческое, героическое, гражданственное [5, с. 68–83] и т.д.

Комплексного изучения столь многозначной в русской словесности темы поэта и поэзии, ее трансформаций и динамики (на протяжении всего XIX в.) до настоящего момента не было. В статье предлагается прежде всего панорамный обзор, который не претендует на абсолютную полноту и исчерпывающую детализацию данной темы. Анализ аспектов проводился в контекстах лексем *поэт* и *поэтический* в текстах 70 писателей XIX в. (эпоха I: К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский,

Н.И. Гнедич, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский, А.А. Дельвиг, В.К. Кюхельбекер, А.С. Грибоедов, Д.В. Давыдов, Д.В. Веневитинов, А. Погорельский, А.А. Бестужев-Марлинский, Н.В. Гоголь, А.В. Кольцов, М.Н. Загоскин, К.Ф. Рылеев, Н.М. Языков, В.Ф. Одоевский, К.А. Полевой, М.Ю. Лермонтов, В.Т. Нарезный; эпоха II: С.Т. Аксаков, К.С. Аксаков, П.В. Анненков, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.А. Гончаров, Д.В. Григорович, А.А. Григорьев, А.В. Дружинин, А.В. Киреевский, А.Н. Майков, Н.А. Некрасов, И.С. Никитин, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, А.Н. Плещеев, Я.П. Полонский, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.К. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.С. Хомяков; эпоха III: А.Н. Апухтин, В.М. Гаршин, Н.А. Добролюбов, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, К.Н. Леонтьев, Н.С. Лесков, П.А. Мельников-Печерский, Н.К. Михайловский, С.Я. Надсон, Д.И. Писарев, Н.Г. Помяловский, В.А. Слепцов, К.К. Случевский, Вл. С. Соловьев, Вс. С. Соловьев, Н.Н. Страхов, Л.Н. Толстой, Г.И. Успенский, Н.В. Успенский, К.М. Фофанов, Н.Г. Чернышевский, А.П. Чехов, А.И. Эртель).

Принцип выделения эпох является не строго хронологическим, а скорее культурно-семиотическим [5; 7], основу которого составляют следующие критерии: *восприятие-переживание времени, восприятие-переживание реальности* и *«поведение автора»* в тексте. Так, авторов первой эпохи объединяет элегическое или ретроспективное восприятие времени, стремление семиотизировать реальность, а потому они интенсивно разрабатывали самые разнообразные стратегии своего обозначения в тексте – всевозможные маски (как убедимся в дальнейшем, это и объясняет невероятное множество культурных ролей ‘поэта’ в этой эпохе). Авторы второй эпохи отличаются критической, безнадежная сосредоточенность на времени настоящего, напрямую вытекающая отсюда мифологизация реальности как безразличной к человеку силы и стремление скрыть автора – перед лицом диктата этой инстанции – в тексте. Наконец, третья эпоха создается авторами, переживающими время реалистически – с некоторой перспективой в будущее, нацеленными на всевозможные преобразования жизни (от Н. Чернышевского до Л. Толстого), соответственно, открыто объявляющими о себе в тексте полифо-

* Статья выполнена в рамках разработки научной темы «Универсалии русской литературы (XVIII – нач. XX в.)» при поддержке гранта Федерального агентства по образованию (Рособразования) № 2.1.3/12071.

ническим или монологическим образом – «авторским голосом».

Принцип выделения эпох отчасти имеет и условную хронологическую привязку [8]: I эпоха объединяет писателей, даты рождения которых колеблются вокруг 1796 г.; II эпоха создается писателями, родившимися около 1817 г.; III эпоху представляют писатели, даты рождения которых колеблются вокруг 1839 г. Однако хронологический подход не всегда работает (хрестоматийный пример – Тютчев), а потому «авторское поведение» и «язык переживания» – приоритетные критерии выделения эпох.

Итак, охарактеризуем универсальные смыслы характерологического текста ‘поэт’ в исследуемых эпохах. Семантический стержень характерологического текста составляет лексема ‘поэт’: она и создает культурно-психологический миф всего поэтического, отраженный в литературе XIX в. Рассмотрим следующие аспекты характерологического текста ‘поэт’: *культурная роль поэта*, ситуация *поэтического вдохновения* и *сфера поэтических смыслов*, извлекаемая из различных контекстов лексемы *поэтический*.

Первый аспект – культурная роль поэта – образует характерологический текст. Рассмотрение в текстах авторов XIX в. взаимоотношений поэта и общества (толпы или народа) – *конфликт, пламенная любовь, поучение или отстранение* – позволяет выделить следующие характерологические ипостаси поэта – *царь, судья, пророк, жрец / служитель, апостол / миссионер, гражданин, герой, революционер, мечтатель, ленивец, эпикуреец* и т.п. Знаменательно, что все эти социальные роли поэта начали свое существование в литературе первого периода почти одновременно, зачастую развивая друг друга.

Писатели второй и третьей эпох XIX в. практически всегда использовали установленные ранее поведенческие каноны поэта (эта традиция продолжается в основном в поэзии). Однако наблюдаются и определенные смысловые акценты, иные вариации: поэт воспринимается негативно (как мечтатель). С одной стороны, поэт как литературный герой уступает литературную авансцену принципиально иным типажам: его роль часто корректируется, а по сути, снижается гражданственным началом (*поэт-журналист*), становится актуальным не божественное озарение поэта (сакральное начало характерологического текста), а его активное поведение в общественной жизни. С другой стороны, поэт, приобщенный истине и обладающий ею (каким он стал в первый период XIX в.), делается всеобщим крите-

рием / мерилом ИСТИНЫ, однако недоступной и бесконечно далекой от прозы жизни (и только такие исключительные обстоятельства, как переживание любви, дают возможность прикоснуться к истине – например, у И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.И. Герцена и др.). Формула отсылки «как сказал бы = сделал бы поэт» прочно утвердилась во второй половине XIX в. Не случайно и то, что во второй и третьей литературных эпохах XIX в. творческую личность репрезентирует художник, артист или музыкант. И хотя триада «поэт – музыкант – живописец», наченная в начале века, продолжает существование в текстах, она выступает в качестве критерия истинности чувств (например, у Тургенева).

Второй аспект – ситуация *поэтического вдохновения* – то, что отличает поэта от остальных людей, делает его поэтом. Эта смысловая грань, безусловно, участвует в создании характерологического текста. Сложность изучения данного аспекта заключается в том, что в художественных текстах семантика ‘вдохновения’ извлекается из конкретных сюжетно-тематических комплексов, в которых лексема *вдохновение* далеко не всегда эксплицируется, а ее однокорневые лексемы (*вдохновенный, вдохновленный, вдохновительный* и др.) иногда не включены в ситуацию *поэтического вдохновения*, хотя и принадлежат сфере поэтических смыслов. К примеру, у В.А. Жуковского лексема *поэтический* на удивление редка (всего 5), да и ‘поэт’ относительно объема всего творчества не занимает ведущее место (96 случаев) и именуется всевозможными перифразами, более того, ситуация поэтического вдохновения рисуется с помощью сложнейших психологических метафор.

Безусловно, тема *поэтического вдохновения* в большей степени представлена и прописана в русской литературе первой трети XIX в. Этот аспект наилучшим образом демонстрирует творчество Пушкина, при определенных авторских предпочтениях аккумулирующее и развивающее литературные идеи и традиции своего времени [2]. В двух следующих эпохах данная тема не была ведущей: авторы использовали ранее открытые моделирования этой ситуации. И так не частые в эти периоды зарисовки *поэтического вдохновения* – прямые аллюзии или реминисценции текстов первой трети XIX в. (чаще пушкинских). Парадоксально то, что подобные дублирования демонстрируют авторы, описывавшие противоположные поведенческие роли поэта, к примеру, К. Аксаков («Орел и поэт», 1833) и Н. Некрасов («Два мгновения», 1839) (ср. с пушкинскими стихотворениями «Пророк», «Поэт»).

Третий аспект – сфера поэтических смыслов, извлекаемая из различных контекстов лексемы *поэтический* – ни в коей мере не девальвирует семантический стержень характерологического текста ‘поэт’. Напротив, появление этого определения в литературе свидетельствует о превращении темы поэта и поэзии в предмет культурной рефлексии. Сфера поэтических смыслов вытекает из двух первых ведущих полей как результат преобразования действительности вдохновением поэта. В таком случае поэтическим может быть все: от стихов до материи жизни. Однако в разные периоды XIX в. в русской литературе преобладали разнообразие определения *поэтического*.

Так, в текстах авторов первой трети XIX в. – в эпоху активных творческих разработок поведенческих ролей *поэта* и рассмотрения *поэтического вдохновения* в различных культурных координатах – лексема *поэтический* встречается в единичных случаях, крайне редко (у А.В. Кольцова и К.Ф. Рыльева она отсутствует вообще). Исключениями из этого «всеобщего» правила представляются произведения В.Ф. Одоевского (102 лексемы *поэтический* на фоне 185 упоминаний слова *поэт*), Н.В. Гоголя (72 и 294 соответственно), В.К. Кюхельбекера (73 и 323) и, наконец, А.С. Пушкина (53 и 409 соответственно). Симптоматично, что лексема *поэтический* появляется у авторов, которые глубоко осмыслили назначение *поэта*, постигали сущность *поэтического вдохновения* не только в художественных текстах, но и в литературно-критических разборах, религиозно-философских трактатах. Как раз в этот период слово *поэтический* скорее термин и менее всего – эпитет, в художественных текстах такое терминологическое функционирование неофициально. *Поэтическими* могут быть *стихи, мысль, мечта / мечтание, фантазия* и даже *бредни* и т. п., т.е. то, что принадлежит поэту, отличает его. Эксклюзивность *поэтической мысли* и ее ситуативных синонимов (в данном случае существенно, что все они включены в ситуацию *поэтического вдохновения*) абсолютизируется единственностью: всегда – мысль, мечта или фантазия, и никогда – мысли, мечты, фантазии! И в дальнейшем определения *поэтического* по-прежнему не часты. Поразительно, но у Ф.И. Тютчева эта лексема отсутствует вообще. Само собой разумеется, в развитой литературной критике (В.Г. Белинский, А.А. Григорьев, П.В. Анненков, А.В. Дружинин) второй трети XIX в. частотность употребления лексемы *поэтический* многократно возрастает, а у К.С. Аксакова существенно превышает частотность слова *поэт* (124

и 98). Однако и в период превалирования прозы над поэзией и, соответственно, усиления терминологических акцентов *поэтического* появляются его новые обертоны (*характер, инстинкт* и даже *внешние черты – глаза* и т. д.), к примеру, в творчестве И.С. Тургенева, А.Ф. Писемского, А.И. Герцена, И.А. Гончарова.

Тенденция тотального расширения *поэтической сферы* особенно характерна для литературы последней трети XIX в. (творчество К.Н. Леонтьева, Н.С. Лескова, Н.К. Михайловского, Л.Н. Толстого): *эмоции, чувства (любовь, дружба), психологические состояния, представления, слава, минуты, время, женщина, дети, красота, земля, природа* и т. д. (список поистине грандиозен, одним словом, *жизнь* во всех ее проявлениях). В этом смысле весьма показательна множественность вариаций *поэтического* в творчестве художника жизни Л.Н. Толстого (хотя общая тенденция эпохи отражена в частотности ключевых слов у Толстого: на фоне объема всего творчества 110 – *поэт*, 124 – *поэтический*). Как уже сказано ранее, к концу XIX в. *поэт* почти исчезает из текстов как литературный тип – в культуре остается лишь память о его особом взгляде на мир. Аппелляции к данному культурно-характерологическому тексту сохраняются пока в поэзии, в первую очередь в творчестве Вл. С. Соловьева. В начале XX в. расцвет поэзии изменяет ситуацию. Даже неполный анализ перечисленных явлений показывает исключительную роль словесности первой трети XIX в. в разработке литературного феномена ‘поэт’ как характерологического текста. А потому рассмотрим данную эпоху подробнее.

Приоритет литературы первой трети XIX в. объясняется целым рядом объективных факторов, связанных с динамическим развитием литературы и ее жанрово-родовыми характеристиками. В это время в основном распространены жанры лирические: от малых лирических до лироэпических форм – проза развивается лишь к концу этого периода (в творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Одоевского и др.). Показательно и то, что Пушкин и Лермонтов, которым были доступны все жанры, осознавали себя в первую очередь поэтами. Одним словом, поэзия была главной литературной реальностью. В это время шел активный процесс формирования новой поэтики, сопровождавшийся бурной полемикой между представителями различных поэтических школ, причем именно в лирике, что, в свою очередь, влияло и на создание культурно-характерологического текста ‘поэт’. Более того, многие авторы пытались определить назначение

поэта и поэзии, постичь сущность *поэтического вдохновения* в литературно-критических трактатах и частной переписке [1, с. 116–124; 193–217; 4]. Этот период по-настоящему интересен и тем, что зачастую литературная и жизненная реальности проникают, перетекают друг в друга. Это время поэтических посланий к друзьям-поэтам и поэтам-учителям.

В 1810-е гг. эти послания зачастую были стилизованы под античность и ориентированы на эпикурейскую батюшковскую традицию. Молодые поэты условно именовали друг друга так: *Гораций, птомец Феба / Аполлона, певец, птомец вдохновенный, ленивец, мудрец* и т. п. (все контексты этих перифраз, наряду с навеянными европейской культурой *бардом* или *скальдом*, а также архаической формой *пшит*, дополняют смыслы стержневой лексики *поэт*). И даже в таком легком жанре, как послание, уже обозначился культ поэтического творчества и обособленности *поэта*. Это проявилось в лирике В.А. Жуковского и К.Н. Батюшкова, а молодые поэты продолжили их традиции: *Гений* противопоставлялся у них *толпе*, но не был лишен определенной чувственности.

Однако уже в 1820 г. ситуация изменилась: появились поэтические манифесты и декларации («Поэт» А.А. Дельвига, «Поэты» В.К. Кюхельбекера), в которых, собственно, и утверждался культ *поэта*, гонимого «толпой» и выполняющего миссию возвещения божественных истин.

Религиозная коннотация поэта – *ветхозаветный пророк* – наиболее продуктивна в русской литературе. В русской лирике интенсивно разрабатывал означенную поведенческую линию Пушкин, в творческом сознании которого *поэтическое* и *пророческое* были сближены. Тему священного служения *поэта* продолжили перво- и второстепенные авторы (М.Ю. Лермонтов, Д.В. Веневитинов и др. художники слова этой и последующих эпох).

Именно данная ипостась *поэта-пророка* и трансформировалась потом в *поэта-гражданина* (симптоматично, что поэты гражданской линии, в частности Н.А. Некрасов, позднее засвидетельствуют, что они не *праздные ленивцы*, а труженики, ремесленники). Этому способствовали переложения псалмов Ф.Н. Глинки, неожиданно и органично соединившего в *пророчествах поэта* политические идеи декабристов с темами псалмов Давида: возмездие «нечестивым» владыкам, грядущее очищение мира. У К.Ф. Рыльева прямо заявляется «поэт-гражданин», стремящийся «к благу общему людей».

Что касается второго аспекта в литературном тексте ‘поэт’ – *поэтического вдохновения* – заметим, что он разрабатывался с не меньшей интенсивностью. Надо сказать, что и тема *поэтического творчества* имеет религиозно-онтологические коннотации [2]. К этой теме примыкает весьма значимая в русской литературе линия *молитвенной лирики*: многие поэты (Пушкин, Вяземский, Веневитинов, Лермонтов, Бенедиктов и др.) не только перелагали известные канонические и слагали новые молитвы в стихах, но и мыслили происхождение стихов в молитве. Безусловно, эта тема требует глубокого исследования.

Литература

1. Батюшков К.Н. Избранная проза / сост., послесл. и примеч. П. Г. Паламарчука. М. : Сов. Россия, 1988.
2. Гайворонская Л.В. Герменевтика поэтического вдохновения в творчестве А.С. Пушкина // Универсалии русской литературы 2. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. С. 376–389.
3. Гайворонская Л.В. Характерология русской литературы (первая треть XIX в.) : учеб. пособие для вузов. Воронеж : «Изд-во ИТОУР», 2009.
4. Гоголь Н.В. Статьи из «Арабесок» // Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 8 : Статьи. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 5–140.
5. Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской характерологии. М. : Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010.
6. Фаустов А.А., Савинков С.В. Очерки по характерологии русской литературы: середина XIX в. Воронеж : Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1998.
7. Фаустов А. А. Авторское поведение в русской литературе: середина XIX в. и на подступах к ней. Воронеж, 1997.
8. Фаустов А.А. Наследники, избранники, посвященные и плагиаторы: культурно-семиотическая динамика от Пушкина к Ф. Сологубу (в печати).

‘Poet’ as a character text of the Russian literature of the XIX century (some aspects)

A poet composes a universal character text in the Russian literature with stable thematic and motive complexes. Their main aspects are: social/cultural poet’s role, situation of poetic inspiration, sphere of poetic senses (self-reflection of the theme ‘poet and poetry’ in culture). In different periods of the Russian literature there are accentuated different origins of a poet, emphasized various thematic fields of this literary phenomenon.

Key words: *poet, poet’s inspiration, poetic, epoch, text.*